

«Там, далеко, наши»

Акции поминовения группа из Петербурга совершает на территории всей Европы.

О протоиерее Вячеславе ХАРИНОВЕ в Петербурге знают многие. Отец Вячеслав — настоятель двух храмов: Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Шпалерной улице и Успения Божией Матери в деревне Лезье-Сологубовка Кировского района Ленинградской области. Его часто называют «отрядный батюшка» — он поддерживает активные связи с поисковиками и сам ежегодно участвует в поисках павших бойцов и увековечивании их памяти. Каждое лето он проводит акции поминовения погибших воинов с выездами на места сражений. Несколько раз организовывал мотопробег по местам захоронений советских солдат в Западной Европе и сейчас готовит новый байкерский тур.

Еще одна часть деятельности этого незаурядного человека — музейная работа: при обоих своих храмах он создал экспозиции «Неизвестная и неоконченная война», куда вошли предметы, найденные в районе Синявинских высот и Невского пятачка. О предстоящих акциях, поездках за границу и необычных выставках мы поговорили с ним в годовщину Великой Победы.

— Отец Вячеслав, в первую очередь хотелось бы поговорить о мотопробеге по Западной Европе. Если разобраться, что-то подобное должно проводиться у нас давно и регулярно. Но, к сожалению... Расскажите, как родилась эта идея — посещения и отпевания погибших наших солдат на европейской земле?

— Идея этих поездок родилась давно. В 2000 году я вместе с группой наших ветеранов, по приглашению Немецкого народного союза по уходу за воинскими захоронениями, поехал в Германию, совершая церковное и гражданское поминовение красноармейцев, павших и погребенных там. Это оказалась ошеломительная поездка! Во-первых, рядом были участники тех боев, наши ветераны, которые вернулись сюда спустя много-много лет. Во-вторых, поражали сами захоронения. Некоторые просто эмоционально потрясли. Идешь — загородный лес. Вдруг — березки, березки. И понимаешь, что сейчас что-то будет. Неожиданно деревья расступаются, и перед тобой стоят наши, русские кресты... Уже тогда я отметил, что стоят они без венков, без следов присутствия русских людей. На одном из сопутствующих мероприятий я обратился к российским дипломатам, чтобы они не только отмечали День Победы в консульствах, но и выезжали на места захоронений. Слава богу, ответная реакция была положительной. Но все-таки это капля в море. Можно посетить одну-два кладбища рядом с митрополией, а их тысячи по всей стране! После этой поездки у меня осталось ощущение правильно

сделанного дела. И впоследствии, во время поисковых работ в России, я все время держал в углу сознания эту мысль — там, далеко, наши брошены...

— А почему были выбраны именно мотоциклы?

— Все оказалось взаимосвязано. Когда появились байкеры, появились и пути к воплощению. Я сам старый мотоциклист, ездил в 80-е. Потом, в связи со всеми перестройками, не до того стало. И вот, когда жизнь более-менее наладилась, вспомнил о давнем увлечении: во время поисковых работ на Синявинских высотах снова сел в седло. И тогда же обнаружил, что среди байкеров очень много патристически настроенных людей, есть целые клубы, которые восстанавливают старую технику, устраивают реконструкции боев, поддерживают память о войне. И подумал: а почему бы не попробовать? Ведь речь идет о тех же поездках. Если они все равно катаются и отжигают по Европе, то почему бы не внести идею? Я предложил план заграничного путешествия, особо не рассчитывая на поддержку и успех. И неожиданно ребята откликнулись. В 2011 году мы отправились в Германию. А в 2012-м объехали уже Германию, Бельгию и Францию. В этом году посетим Германию, Австрию, Словакию и Чехию.

Каждое такое посещение — это новые открытия, вопросы, поразительные встречи. В Бухенвальде, например, мы встретили русскую женщину, отец которой был в плену и после освобождения остался в Германии. Она никогда не была в России. Рус-

ское, по ее словам, у нее осталось только одно — вера. И вот во время своего первого посещения Бухенвальда она встречает русских православных священников, которые проводят службу! Для нее это был шок...

В крупнейшем шталаге Цайтхайн в бараке, на балках, находим отметины наших солдат, которые зачеркивали проведенные в плену дни. Там не много отметин — 30 — 40. И лежит их там, забытых, — тысячи!

На месте лагеря Берген-Бельзен в густом лесу встречаем просеку. Голая полоса, ничего не растет! Почему? Оказывается, это места проволочных ограждений — их обрабатывали гербицидами, чтобы никто не приближался. В бараки на 800 человек этого лагеря набивали по 8 тысяч пленников, которые сгнивали там заживо...

В Германии 3310 зарегистрированных захоронений. Это больше 800 тысяч человек. Сейчас эти цифры уточняются и растут. Во Франции и Бельгии — десятки кладбищ. Что касается состояния, то ухожены они не хуже немецких.

Отец Вячеслав меняет облачение священнослужителя на байкерскую форму ради святого дела.

ОБ АКЦИЯХ ПОМИНОВАНИЯ ПОГИБШИХ РУССКИХ СОЛДАТ В ЕВРОПЕ И НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

В Нормандии, у Ла-Манша, есть огромное кладбище Мон-де-Юне — там лежит 11 тысяч немцев. И часть этого некрополя занимают могилы русских, погибших при строительстве укреплений на Атлантической линии. Рядом красота, которые не посещал редкий наш турист. И вот это пустое кладбище. Во время отпевания погибших на Мон-де-Юне мы встретили немецкую пожилую пару. Услышав панихиду, они были потрясены — русские приехали помянуть своих. Они плакали навзрыд, для них это было откровение...

— Сколько наших солдат лежит сегодня в Западной Европе? В каком состоянии находятся эти могилы?

— В Германии 3310 зарегистрированных захоронений. Это больше 800 тысяч человек. Сейчас эти цифры уточняются и растут. Во Франции и Бельгии — десятки кладбищ. Что касается состояния, то ухожены они не хуже немецких. И это укор нам. Да, необходимы средства: ежегодно Германия выделяет на уход за нашими могилами 25 миллионов евро. Но на первом месте в таком деле стоит все-таки серьезность и ответственность. Вот иллюстрация. Остановились в одной немецкой деревушке. Местная жительница, старушка, спрашивает: куда едете? Мы объясняем. Она: а у нас тоже один русский захоронен. Мы: как? можно посмотреть?! И вот выходим ранним утром в центр деревни, к церкви. А он, родимый, прямо у алтарной стены храма лежит, как у нас священник! Весь памятник — в цветах. Причем никто не знал о нашем приезде, никто специально не готовился. Я был потрясен. Мы спрашиваем: кто он? А нам в ответ: уже не помним, то ли от ран умер, то ли от голода, то ли от работы тяжелой. Вот такое отношение. А мы часто не только не ухаживаем за «отеческими гробами», но даже и не посещаем их, забыли.